
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 008 (091)

Рецепции немецкой философской классики в творчестве Ф. И. Буслаева*

М. В. Новиков¹, Т. Б. Перфилова²

¹ доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль
ORCID: 0000-0002-2013-1919. E-mail: m.novikov@yspu.org

² доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль
ORCID: 0000-0002-2498-8688. E-mail: olya.irhina@mail.ru

Аннотация: В статье предлагаются новые подходы к изучению творческого наследия великого русского ученого Ф. И. Буслаева. Подчеркивается неправомерность сужения научных интересов Ф. И. Буслаева до границ исключительно филологии, и утверждается необходимость расширения диапазона его научных интересов за счет человековедческих, народоведческих, обществоведческих аспектов истории культуры. Работа выполнена в проблемном поле междисциплинарных исследований: на стыке теоретической и исторической лингвистики, философской антропологии, «новой» культурной истории. Отмечается, что Ф. И. Буслаев первым в отечественной науке начал изучать содержание обыденного сознания людей давно минувших эпох, психологические установки коллективного творчества, традиции и ценности, знаково-символические образования первобытных и древних обществ, первым предпринял попытку создания антропологически ориентированной «новой» культурной истории. Для обоснования основных принципов своей исследовательской концепции и определения методологической стратегии на первом этапе творчества – в конце 30-х – начале 60-х гг. XIX в. – Ф. И. Буслаев обратился к немецкой классической философии. Он отдавал предпочтение В. фон Гумбольдту, Ф. Шеллингу и Я. Гримму, причем последний был наивысшим авторитетом для российского ученого. Во второй половине XIX в. немецкие философские источники, формировавшие научное мировоззрение Ф. И. Буслаева, стали терять для него и актуальность, и значимость. Утверждение методологии позитивизма привело к редуцированию гумбольдтовских и шеллингианских метафизических идей или утрате наиболее умозрительных компонентов их концепций. Научное мировоззрение Ф. И. Буслаева формировалось под влиянием философского наследия классиков немецкой мысли. Распространение позитивизма и укрепление собственных позиций в научном сообществе привели к пересмотру некоторых теоретических подходов, на первый план выступали точность, доказуемость, объективность, порождавшие новый стиль мышления, новую исследовательскую парадигму.

Ключевые слова: филология, язык, трансцендентальный идеализм, культурная антропология, позитивизм.

Выдающийся русский ученый Федор Иванович Буслаев (1818–1897), филолог по образованию, известен прежде всего как языковед, фольклорист, историк русской и европейской словесности. В то же время, преодолев границы узконаучной дисциплинарности, он стал первым в России историком культуры. Научный дискурс ученого был сосредоточен на выявлении духовного склада архаических и древних народов, постижении мифологического по своей природе «народного мирозерцания», погруженного в этнокультурный контекст. Его привлекали стереотипные ментальные установки наших предков, которые через образы – язык подсознания и систему взаимосвязанных символов – участвовали в создании культурных универсалий и формировании национального образа мира.

К трудам Ф. И. Буслаева, которые в XIX в. оценивались как эпохальные в языкознании и литературоведении, основополагающие в изучении народной культуры [27, с. 35], в советский период нередко стали относиться только как к хранилищам важной и ценной информации [см., к примеру, 37, с. 382, 383, 420, 427, 484] или как к банку данных, надежность которого обеспечивалась именем ученого – собирателя и первого толкователя народной поэзии [см., к примеру, 26, с. 565, 569, 573]. Подспудно

* Выполнено по государственному заданию Минобрнауки России, проект 33.7591.2017/8.9
© Новиков М. В., Перфилова Т. Б., 2018

оформлялось и, вопреки корпоративной этике ученых, закреплялось правило дурного тона: умалчивать о научных достижениях Ф. И. Буслаева, лишая его новаторские идеи преемственности; «забывать» упоминать имя мыслителя при разработке вопросов, которые именно им были подняты впервые и при рассмотрении которых обозначены возможные пути решения [см., к примеру, 34].

В большинстве дисциплинарно оформленных и изолированно существующих сейчас науках гуманитарного цикла имя Ф. И. Буслаева либо неизвестно, либо прочно отождествляется исключительно с наследственной собственностью филологии.

Возрождение интереса к невостребованному прежде идейно-теоретическому потенциалу ученого начинается на рубеже XX–XXI вв.

Одни специалисты [22, с. 3–8] связывают это с выходом из методологического бессилия – «болезненного состояния», в котором филологическая наука оказалась в пограничную эпоху. Как и другие «гуманные» науки, она столкнулась с необходимостью фундаментального пересмотра позитивистской методологии и поиском неидеологизированных парадигм наукотворчества и неполиitizedированных объяснительных теорий развития культуры человечества.

Другие исследователи увидели свой вклад в преодоление гносеологического тупика предшествовавших десятилетий в поддержке новых подходов к осмыслению культурно-исторических феноменов, которые стали формироваться в русле постмодернистской культурной парадигмы. Среди них важное место занимает изучение истории интеллектуальной мысли не в традиционной историографической версии «инвентаризации» идей, направлений и школ, а в перспективе постижения индивидуальной «творческой лаборатории, исследовательской психологии и практики» выдающихся творцов науки [36, с. 20]. Это изучение «культуры творчества» ученых, так же, как Ф. И. Буслаев, проживших долгую жизнь в науке и испытавших немало поворотов своей профессиональной биографии, открывает возможность рассмотрения истории гуманитарных наук в «контексте личных судеб... сквозь призму индивидуального и профессионального восприятия как социально-политических и идеологических коллизий, так и интеллектуальных вызовов эпохи» [33, с. 241, 245].

Наш интерес к Ф. И. Буслаеву – это интерес историков к уникально одаренному, многогранному ученому, а не только к филологу, каким его привыкли осознавать, так как он сам не мог точно определить свой научный статус, идентифицируя себя то с лингвистами, то с историками, то с историками литературы, христианского и западноевропейского искусства, а в последние десятилетия жизнетворчества – с этнографами. В этих тесно соприкасавшихся в XIX в. и нередко «перетекавших» друг в друга научных областях его привлекали способы духовного освоения и истолкования мира людьми главным образом самых ранних в истории человечества эпох – и эту же задачу на новом витке развития гуманитаристики решает обновленная личностно-ориентированная «новая» культурная история.

На наш взгляд, имя Ф. И. Буслаева можно смело связать с наступившим в «новой» исторической науке этапом преодоления социологизированных схем изучения объективных структур и надличностных процессов и возрождением взгляда на общество как на целостный организм, в котором поведенческие реакции людей объясняются состоянием человеческого сознания, коллективными ментальностями, аксиологическими системами. Интенция придать антропологическое измерение социокультурной истории, которая настоятельно диктует создание междисциплинарного синтеза и интеграцию исследовательского потенциала человеко- и обществоведческих дисциплин, по нашему убеждению, впервые была намечена и отчасти осуществлена Ф. И. Буслаевым. Ему же принадлежал и эскиз той обширной научной программы, которая сейчас артикулируется как изучение фундаментальной проблемы «Человек в обществе, истории и культуре».

Это заявление основано на том, что Ф. И. Буслаев первым в отечественной науке начал изучать содержание обыденного сознания людей давно минувших эпох, психологические установки коллективного творчества, традиции и ценности, знаково-символические образования первобытных и древних обществ.

Интерес ученого к бессознательным глубинным устойчивым элементам психики, неотреллексированным социокультурным представлениям, «нечувствительно» для людей, безо «всякого участия их воли и сознания» [5, с. 440] управлявшим интеллектуальными и социальными процессами, поведенческими привычками, вплотную подводил его к осмыслению сущности имманентных, но скрытых от историка культуры регуляторов массового сознания и жизненных сценариев людей хронологически отдаленных от современности эпох.

На языке современной культурной антропологии эти «привычки сознания», «автоматизмы мысли», «умственные навыки», которые определяли доминирующий (или единственный) способ видения мира широкими слоями общества, коллективные малоподвижные социально-психологические установки, детерминировавшие мироощущение людей конкретных культурно-историче-

ских эпох, их эмоциональные, мыслительные и поведенческие реакции, называются ментальностью [20, с. 34, 55, 65, 71, 95; 21, с. 29–41]. Как труднофиксируемый источник мышления и веры, эмоций и настроений, жизненных установок и моделей поведения, ментальность проявляет себя в исторически изменчивой картине мира – воссоздаваемой по произведениям культуры системе представлений, идей, образов, ценностей, установок, которыми люди руководствуются во всех видах своей деятельности, духовных практиках [19, с. 154–156; 25, с. 38–41; 33, с. 21, 22, 41].

Занимаясь реконструкцией мифологического мышления, стереотипов восприятия природного и социального Универсума, повседневной культуры людей архаических (первобытных, дописьменных) и древних обществ, Ф. И. Буслаев максимально приблизился к осмыслению этих важных для проникновения в тайники сознания человека прошлого научных категорий, и хотя в его работах отсутствуют и понятие «ментальность», и концепт «картина мира», которые не были известны тезаурусу науки того времени, их смысл вычитывается в семантических аналогах: «первобытное сознание», «народное сознание», «народное мировоззрение», «дух народа», «национальный характер», «картина жизни». Содержательное наполнение этих понятий, соответствующее концептуально-методологическому арсеналу науки XIX в., не оставляет сомнений в том, что Ф. И. Буслаев первым в пространстве идеографических дисциплин предпринял попытку создания антропологически ориентированной истории культуры.

Ф. И. Буслаев приступил к научной деятельности в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. – в тот уникальный для производства идей период времени, когда умами мыслителей правили немецкая классическая философия и немецкий романтизм.

Для философско-спекулятивного теоретизирования представителей немецкой классической философии было характерно стремление изучить весь мыслимый универсум во всем многообразии его проявлений через фундаментальные абстракции, к числу которых принадлежал такой умопостигаемый конструкт, как «дух». Дух как «идеальное измерение культуры» [29, с. 180–181] рассматривался универсальным объяснительным принципом для раскрытия процесса взаимодействия языка, личности и общества – главных агентов философской антропологии. Обращение к трансцендентальному феномену – духу и его многочисленным эманациям присутствовало в философских концепциях И. Канта, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля, В. фон Гумбольдта, Ф. В. Й. Шеллинга. При наличии разнообразных интерпретаций все концепции объединяла интеграция онтологического ракурса рассмотрения – выяснение сущности духа с позиций сугубо априорного философского мышления – с гносеологическими процедурами собственно научного объяснения, которые лежали в плоскости эмпирии языкознания.

Традиционно-филологическая основа всякого научного знания той эпохи [39, с. 580] не только, как тогда казалось, снабжала абстрактные интеллигибельные построения прочным фундаментом надежности при конструировании умопостигаемой картины мира, но и способствовала зарождению представлений о генетической спаянности и онтологической единственности духа и языка. Они, порождая в процессе своей деятельной активности нерасчлененный массив интеллектуальной силы народа, в дальнейшем проявляли себя в характере цивилизации (через мораль, право) и своеобразии национальной культуры (искусстве, религии, философии) [29, с. 47, 51].

Когда Ф. И. Буслаеву потребовалось обосновать основные принципы организации своей теоретико-лингвистической концепции и определить методологические стратегии осмысления труднообозримого языкового материала народной словесности, он обратился к немецкой классической философии, авторитет которой в интеллектуальном пространстве первой половины XIX в. был непререкаемым.

Стремясь к достоверности научных результатов, Ф. И. Буслаев тоже соединил эмпирические, собственно научные, данные языкознания с умозрительными мыслительными операциями и философскими абстракциями, предполагавшими углубленное проникновение в предмет исследования только в плоскости самой мысли. Такой способ производства наукоучения, разработанный классиками немецкой философии, составлял парадигму осуществления дискурса в первой половине XIX в.

Для молодого ученого она стала надежной эгидой при самостоятельном изучении проблем, уже поставленных в немецкой науке, беспроигрышным прикрытием для выдвижения важных для российской науки новых направлений исследований и аргументации правильности продвижения к истине в том ее понимании, которое сложилось в смысловом пространстве и методологии трансцендентальной философии.

Среди выдающихся немецких философов было два мыслителя, которым Ф. И. Буслаев отдавал свое предпочтение: В. Гумбольдт (1767–1835) и Ф. Шеллинг (1775–1854), однако на языке духовной культуры их времени – философии романтизма и немецкой классической философии – говорил еще

один великий ученый Германии – Я. Гримм (1785–1863), авторитет которого не померк для Федора Ивановича даже в зенитный период его собственного творчества. Среди апостолов немецкой теоретической мысли наивысшим авторитетом для российского ученого обладал именно исследователь национального духа немецкого народа Я. Гримм.

Якоб Гримм – юрист по образованию, ученик Ф. К. фон Савиньи, профессор Геттингенского и Берлинского университетов, член Прусской Академии наук – и в настоящее время считается непрекаемым авторитетом в области языкознания и фольклора [24, с. 637, прим. 1]. В начале XIX в., в период расцвета романтизма, изучение немецкого национального самосознания при помощи произведений народной словесности, привлечение памятников фольклора для реставрации целостной истории немецкого народа, обоснование язычества основным элементом национальной культуры ознаменовали открытие целой эпохи в изучении бессознательного коллективного творчества масс и в опытах воспроизведения картины мира человека «первобытной цивилизации» Европы.

Апология национальной народной культуры вылилась в возвышенное поэтическое воссоздание Я. Гриммом древности немецкого народа, которая представлялась ему порой «неиспорченного детства и отрочества... исполненной чувства природы, нравственной чистоты и непосредственности, богатого творчества фантазии, оживленной и выраженной общенародной поэзией» [31, с. 708].

Завидная эрудиция и умелая систематизация колоссального материала источников: сказок, преданий, легендарного эпоса «Эдды» и «Нибелунгов», мифов, песен, то есть всей народной поэзии, древнейших форм верований и ритуалов, нравственного и «юридического быта» – соединялись еще и с «математически точным» лингвистическим анализом старинных форм немецкого языка ради достижения великой и благородной, нравственно-патриотической, цели – «возвышения отечества», которое, по убеждению Я. Гримма, нуждалось в «освещении лучами прошлого» [13, с. 71].

«Темное, мрачное Средневековье», каким оно виделось ученым эпохи Просвещения, в культурно-исторических сочинениях Я. Гримма превращалось в ключевой период формирования великой немецкой нации, в фундамент национальной культуры Германии, эпоху ее абсолютной свободы, в «главный этап развития ее первоначальной, первобытной, цивилизации, в которой народ и нация сливались воедино» [24, с. 254].

Уже к 50-м гг. у Ф. И. Буслаева, благодаря приобщению к учению Я. Гримма, сложилось представление о языке как о телеологически созданном природном организме и сформировался взгляд на слово как на «самый чувствительный орган», предназначенный для постижения «тончайших оттенков духовной жизни народа». Через «утомительные» процедуры сравнительно-исторической грамматики, разработанные «властителем дум» Ф. И. Буслаева, шел процесс его собственного становления и как лингвиста, и как историка культуры.

Скрупулезный фонетический и морфологический анализ слов был ему нужен для проникновения в мир первоначальных представлений о природе, материальном быте, жизненных ценностях, созданных в архаических и древних обществах, а также для понимания верований, убеждений «грубого» народа, то есть «самого процесса народного сознания» [9, с. 419] на разных этапах его социокультурной динамики.

Сравнительно-исторический метод изучения мифологического наследия индоевропейцев, разработанный Я. Гриммом, стал главным инструментом познания истории ментальностей родственных славянам групп народов, потому что только компаративный анализ сведений из народного быта и народной поэзии, народных верований и преданий простонародья трактовался Ф. И. Буслаевым как единственно существующий в науке доказательный способ постижения «духа человеческого... на ранних этапах развития» [1, с. 460].

Следуя по стопам своего великого предшественника в языковедческих, фольклорно-мифологических направлениях исследований, Ф. И. Буслаев стал разделять и научные воззрения Я. Гримма: идею о народной поэзии (эпосе) как о коллективном бессознательном творчестве масс, в котором содержались цементирующие народность «священные» и высоконравственные религиозно-мифологическое, семейно-бытовые, военно-правовые архетипические представления; положение о превосходстве безыскусственной поэзии – совместного творчества «коллективной души» народа – над авторской (рефлексивной), вывод о целом и величественном мифологическом мирозерцании индоевропейцев, «осколки» которого, бережно хранимые низшими слоями общества, бытуют в современных суевериях, обычаях, сказочно-мифологических сюжетах [13, с. 56–60].

Благодаря Я. Гримму, впервые, по утверждению Ф. И. Буслаева, проявившему научную пытливость к проблеме «отражения быта в языке» [4, с. 186] и заложившему своими изысканиями в этом направлении основание исторического языкознания, российский ученый тоже стал изучать народный быт потомков праиндоевропейцев.

В отличие от широко распространенного в наши дни представления о быте как о рутине, ежедневных, порой ритуальных, традиционных формах деятельности, Ф. И. Буслаев рассматривал народный быт в культурно-историческом контексте, вкладывая в это содержательное понятие смысл культуры повседневности.

Под «народным бытом», – пояснял он, – мы разумеем по-преимуществу нравственный характер народа», «самопознание человека» и, развивая эту мысль, подчеркивал, что может судить о повседневных реалиях индоевропейцев только по языку, который выражает их «убеждения, нравы, обычаи и поверья» [4, с. 192]. Язык как «орган народного духа» [4, с. 209], проводник в тайники сознания народа, подсказывал исследователю возможные способы «раскодирования» зашифрованной в словах людей архаических и древних обществ информации о проживаемой реальности, которая воспринималась ими в качестве цельного мира, наполненного смыслами существования.

Характерно, что именно в таком понимании народный быт в свете современной науки становится аналогом культуры повседневности [30, с. 93–112].

Помимо Я. Гримма великим ученым наставником Ф. И. Буслаева был В. Гумбольдт, поэтому в творчестве нашего соотечественника трудно не заметить рецепций философии языкознания, разработанной этим немецким мыслителем.

Унаследовав от И. Г. Гердера исследование проблем происхождения и генеалогии языка, методы сравнительного изучения языков и их классификации, стремление выяснить роль языка в развитии духа, В. Гумбольдт смог заменить «туманные способы разрешения этих вопросов» своего предшественника более строгим научным и философским анализом, основанным на самостоятельной интерпретации обширного фактического материала.

Используя философскую и психологическую терминологию И. Канта, он смог усовершенствовать ее и, наделяя уже «зафиксированные (понятия. – Т. П.) в духе Канта» новым идейным содержанием, модифицировал научный тезаурус ради выражения собственных мыслей.

По смелости замысла, широте охвата мысли, глубине проникновения в проблему современники ставили его рядом с Г. В. Ф. Гегелем, однако видели в нем не просто продолжателя системы философии «абсолютного идеализма», а ученого-новатора, превратившего свою философию языка из простого дополнения к гегелевской философии истории, права, религии и искусства в «центральную проблему философии духа, реализующего в языке все другие конкретные проблемы философии» [40, с. 31–33].

Обращение В. Гумбольдта к философским, антропологическим, культурологическим, историческим планам существования языка, то есть ко всему объемному, многомерному восприятию духовной жизни человека, имеет особую значимость для современного междисциплинарного гуманитарного знания, поэтому сегодня этого яркого представителя немецкой классической философии ценят не только за создание теоретического фундамента науки о языке. Широкий круг научных интересов В. Гумбольдта, объемлющий собой, помимо теоретического языкознания, практически весь спектр гуманитарных наук [29, с. 59–60; 32, с. 8], превращает его в основоположника философской антропологии, ученого, обосновавшего воздействие языка на мировоззрение человека, социум, культуру, мыслителя, предложившего способы проникновения в «дух народа» через «языковое мировидение» [16, с. 47–51, 69, 70, 164; 18, с. 161, 162].

Вслед за В. Гумбольдтом [15, с. 308; 16, с. 49, 64, 66, 80, 166], Ф. И. Буслаев пытался через «языковое мировидение» проникнуть в «дух народа», поэтому он объяснял народный характер, национальное самосознание своих соплеменников с позиции адепта гумбольдтовской философии языка – языковым сознанием, вызывавшим к жизни неповторимую «духовную самобытность» нации.

Язык, создававший народ и формировавший его сознание [4, с. 179], сам превращался при этом в душу народа, следовательно, через языковое пространство спянных воедино звуков, эмоций (образов), символов, смыслов – живое порождение духа – открывались каналы проникновения в «народное сознание» и даже в бессознательные процессы психики, определявшие образ жизни наших предков, их поведение, «всю национальность», считал Ф. И. Буслаев [6, с. 596].

Поняв из трудов философа-языковеда, что «сокровенные основы национальности» сокрыты в «народной безыскусственной словесности» [9, с. 404, 405], Ф. И. Буслаев с энтузиазмом занимался проблемами языкотворчества, используя для этого фольклорное и рукописное достояние славянских народов и старательно подтверждая выводы классика немецкой философии на досконально проработанном материале эпического предания этносов, находившихся в доисторическое время в «племенном родстве».

Он почти вторит В. Гумбольдту, когда определяет эпос «живым, органически сомкнутым преданием», в котором сочетаются «игра звуков, течение мысли... и творчество народной фантазии» [8, с. 113], когда объединяет время появления языка, «мифического предания» и охватывающего «весь

мир и все человечество» народного эпоса в единый взаимозаменяемый смысловой поток [4, с. 159, 161, 184, 186] и, придавая антропоморфные характеристики языку – одушевленному для него существу [4, с. 159, 161, 163, 164, 179], объясняет, как неуловимая для анализа сила языка из «гармонически сомкнутого целого» порождает бесконечное множество языковых форм, различающихся даже у родственных народов [4, с. 163–177].

Приобщившись к философии языкознания В. Гумбольдта, Ф. И. Буслаев заимствовал из идейного багажа своего предшественника культуру осуществления философско-антропологического дискурса, незаметно перенеся на страницы своих трудов сомнительные и противоречивые умозаключения его концепции. Так, в рассуждениях Ф. И. Буслаева о генезисе языка столько же нестыковки, сколько и у В. Гумбольдта [16, с. 49, 50, 56, 70, 164; 17, с. 318]. Язык у него то создается Творцом (творческой силой) [12, с. 7, 52], то является созданием самого народа [3, с. 138; 4, с. 178; 12, с. 6, 74]; язык может «созидаться... на общих законах с верованиями мифической эпохи» силой духа и ею же «вкладываться в человека», причем народная фантазия, не оставаясь безучастной, сразу же начинает втягиваться в этот процесс [4, с. 166, 168–169], сообщая языку «глубоко задуманные и художественно воспроизведенные меткие художественные выражения» [4, с. 185].

Не подвергая рассудочному анализу проблему причин активности (развития) языка и изоморфных ему мышления, мифологии, народной словесности, Ф. И. Буслаев заимствовал у В. Гумбольдта панхронический, или абстрактно-логический, вариант восприятия временного континуума, противоречиво совмещая его, как это делал и немецкий философ [23, с. 275–276, 279, 281; 29, с. 138–139], с конкретными темпоральными представлениями при рассмотрении динамично развивавшихся культурно-исторических процессов.

Выступая в начале своей продолжительной научной карьеры преимущественно как реципиент немецкой классической философии, Ф. И. Буслаев не дополнял положения трансцендентального идеализма новыми смысловыми наростами, а только присваивал их и иногда интерпретировал вдохновлявшие его идеи через призму идей своей эпохи и своей страны, инкорпорируя их в контекст изучения национального самосознания. Вовлеченность в процесс постижения наидревнейших, находившихся еще пока за гранью строго научных горизонтов познания форм и способов мышления русского народа как части индоевропейцев, заставляла его оперировать фундаментальными абстракциями немецкого классического идеализма, которые в функции умпостигаемого объяснительного принципа придавали онтологическую достоверность воссоздаваемой им реальности, претендующей на достоверность с подлинной.

Как и для классиков немецкой философской мысли, объяснявших не поддающиеся толкованию обычными средствами теоретические конструкции (дух, духовная сила, сила духа человечества) через научно объяснимые феномены: язык, миф, эпос, – для Ф. И. Буслаева философско-спекулятивный и лингвотеоретический уровни исследования оказывались в тесном взаимодействии, хотя его собственно научные размышления были ориентированы исключительно на обоснование языковых модусов заимствованных концепций. Сугубо философские умозрения вне связи с языковым материалом его не интересовали.

Подобный «перевод» философских теорий на язык культурно-исторических исследований происходит и при адаптации Ф. И. Буслаевым наукоучения Ф. Шеллинга по философии мифологии к своим попыткам осмысления мифологического мышления и проблемы мифотворчества. Концепция профессора Йенского, Мюнхенского, Берлинского университетов, президента Баварской Академии наук, члена Парижской Академии наук Ф. Шеллинга, также впитавшая в себя «дух культуры» Германии рубежа XVIII–XIX вв., немецкую романтическую эстетику и немецкую классическую философию, оказала существенное воздействие на русскую мысль и художественную литературу XIX столетия [23, с. 8, 268–269]. Более того, «Именно Шеллинг был первым философом из числа немецких идеалистов-диалектиков, философия которого стала теоретическим источником для образования целой школы русской философии» [23, с. 8], стремившейся создать мировоззренческую основу стремительно развивавшейся отечественной культуры. Философия трансцендентального идеализма превратилась для русских романтиков, готовых не только к изменению основ нашей культуры, но и к преобразованию всей русской жизни, в средство борьбы со схоластическим рационализмом просветителей, нормативной поэтикой классицизма, и, что не менее важно, она стала философией свободы от обветшалых идеалов, создавая возможность по-новому осмыслить «бытие и человека» [35, с. 211–214]. Ф. И. Буслаев не являлся приверженцем всей философской системы немецкого ученого. Ему важно было постичь природу религиозного сознания, которое определяло сущность и проявления мифологического типа мышления, а также осмыслить философию религии в ее историческом развитии. В этих вопросах специалиста авторитетнее Ф. Шеллинга трудно было найти, что и объясняет интерес Ф. И. Буслаева к результатам теоретизирования этого классика немецкой мысли.

В биографии, жизненных ориентирах, аксиологии научной деятельности Ф. Шеллинга и Ф. И. Буслаева можно было найти немало любопытных совпадений.

Как Ф. Шеллинг без защиты диссертации стал профессором Йенского университета [14, с. 3], так и Ф. И. Буслаев получил степень доктора русской словесности на основании серии публикаций о проявлениях духа народа в художественном творчестве, которые вошли в первый том «Исторических очерков русской народной словесности и искусства». Подобно Ф. Шеллингу, менявшему в процессе творческой эволюции и кумиров, и сферы философствования, и научные подходы к осуществлению «наукоучения» [14, с. 11], Ф. И. Буслаев формировал свою научную картину мира в смене приоритетных направлений исследований и выработке наиболее приемлемых для изучения «народного духа» процедур осуществления дискурса. Для Ф. И. Буслаева, как и для Ф. Шеллинга, не было «более возвышающего зрелища, чем бесконечный простор расстилающегося впереди знания», восторженное отношение к постижению которого у них обоих было вскормлено установками эстетики романтизма [14, с. 13, 28].

Ф. Шеллинг был близок Ф. И. Буслаеву своим религиозным умонастроением [14, с. 8], которое не мешало ему, как и русскому последователю, с уважением относиться к «положительному» знанию, основанному на наблюдении, эксперименте [38, с. 161], и совмещать позитивистско-материалистические интенции с умозрительными идеями трансцендентальной философии [1, с. 461, 466–467; 4, с. 159–185]. Ф. Шеллинга привлекали духовные потенции человека: дух, душа, нрав, бессознательные сферы психики, проявлявшиеся в художественном творчестве, религии, мифологии [14, с. 25, 29], и эти же акценты изучения «народной психологии» с помощью «точных методов положительных наук», обосновывавших научное предвидение, зрелый Ф. И. Буслаев предлагал применять для создания «теории о... всей духовной деятельности человека» в доисторическую и раннюю историческую эпохи [1, с. 466–467]. Держась в стороне от логики интеллигентной версии мифотворчества, предложенной Ф. Шеллингом, Ф. И. Буслаев уверенно транслирует только результат философских рефлексий немецкого ученого по сущности мифа, монотеизма и политеизма [7, с. 507, 511; 9, с. 412, 414; 10, с. 238; 11, с. 679, 680, 682], но позволяет себе вносить коррективы в эмпирическую, конкретно научную, базу исследования создателя трансцендентальной философии [10, с. 238, 240, 243]. Факты, приводившиеся Ф. Шеллингом, уже не соответствовали частнонаучным воплощениям середины XIX в.: ни состоянию сравнительного языкознания, ни мифокритике, ни истории повседневности.

Во второй половине XIX в. философские источники и теоретико-методологические импульсы, формировавшие научное мировоззрение Ф. И. Буслаева, стали терять для него и актуальность, и значимость. Это произошло потому, что с приобретением веса в научном мире и утверждением собственной позиции в ученом сообществе России для него отпала необходимость использовать в качестве защиты своих новаторских проектов философское наследие классиков немецкой мысли. К тому же и ситуация в интеллектуальном пространстве начала претерпевать существенные изменения.

Утверждение методологии позитивизма, к которой стали обращаться самые «модные» во второй половине XIX в. науки: этнография, психология, история, – привело к редуцированию гумбольдтовских и шеллингианских метафизических идей или утрате наиболее умозрительных компонентов их концепций, не релевантных точным, доказательным практикам достижения поставленных исследовательских целей [1, с. 467; 2, с. 293; 11, с. 653, 655, 659, 675, 681, 687, 715].

Негативное отношение к концепту «дух» и его вытеснение из гуманитаристики также требовали отказаться от тех, казалось бы, логичных, способов объяснения культурно-исторического процесса и его составляющих, с которыми за многие годы Ф. И. Буслаев сумел «породниться». Феномены философских теорий и способы осуществления наукоучений стали вступать в противоречие с новым тезаурусом, передовыми (для того времени) объяснительными принципами, культурой исследовательского труда. Наступала пора отрицания умопостигаемого знания и технологий его производства – на первый план выступали точность, доказуемость, объективность, порождавшие новый стиль мышления, новую исследовательскую парадигму.

Список литературы

1. Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве // Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства : в 3 т. Т. 1. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1908. С. 459–522.
2. Буслаев Ф. И. Задачи эстетической критики // Буслаев Ф. И. Мои досуги: собранные из периодических изданий мелкие сочинения : в 2 ч. Ч. 1. М. : В Синодальной типографии, 1886. С. 291–407.
3. Буслаев Ф. И. Мифические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке и поэзии // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. Т. 1. Русская народная поэзия. СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. С. 137–150.

4. Буслаев Ф. И. Областные видоизменения русской народности // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 151–209.
5. Буслаев Ф. И. Письмо к автору «Истории России» // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подгот. текста, статья и коммент. А. Л. Топоркова. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. С. 439–469.
6. Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... Т. 1. С. 548–643.
7. Буслаев Ф. И. Русская поэзия XVII века // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... Т. 1. С. 470–547.
8. Буслаев Ф. И. Русский быт и пословицы // Буслаев Ф. И. Исторические очерки. Т. 1. С. 78–136.
9. Буслаев Ф. И. Русский народный эпос // Буслаев Ф. И. Исторические очерки. Т. 1. С. 401–454.
10. Буслаев Ф. И. Следы славянских эпических преданий в немецкой мифологии // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1887. С. 216–244.
11. Буслаев Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. М., 1872. № 10. Октябрь. Т. 101. С. 645–727.
12. Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия // Буслаев Ф. И. Исторические очерки Т. 1. С. 1–77.
13. Гримм Я. Немецкая мифология / пер. с нем. А. А. Гугнина // Зарубежная эстетика и теория литературы. XIX–XX вв. : Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 54–71.
14. Гулыга А. В. Философское наследие Шеллинга // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т. : пер. с нем. Т. 1 / сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. М. : Мысль, 1987. С. 3–38.
15. Гумбольдт В. фон. Лаций и Эллада (фрагмент) / пер. О. А. Гулыги // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М. : ОАО ИГ «Прогресс», 2000. С. 303–306.
16. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества / пер. А. А. Алексеева, В. В. Бибикина, О. А. Гулыги, В. А. Звегинцева, С. А. Старостина // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. С. 37–298.
17. Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / пер. З. М. Мурыгиной // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. С. 307–323.
18. Гумбольдт В. фон. Эстетические опыты. Первая часть. О «Германе и Доротее» Гете / пер. А. В. Михайлова // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. М. : Прогресс, 1985. С. 160–278.
19. Гуревич А. Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М. : Наука, 1986. С. 153–167.
20. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М. : Индрик, 1993. 328 с.
21. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство, 1984. 350 с.
22. Злобина Н. Ф. Концепция историзма в филологическом наследии Ф. И. Буслаева : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 47 с.
23. Каменский Э. А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М. : Наука, 1980. 326 с.
24. Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе / пер. с ит. А. Венедиктова и М. Кирилловой ; ред. и вступ. ст. Е. Мелетинского. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. 690 с.
25. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 1997. 687 с.
26. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство – СПб., 2002.
27. О. Н. Дополнение к чествованию 50-летней ученой деятельности академика и заслуженного профессора Федора Ивановича Буслаева // Филологические записки: журнал, посвященный исследованиям и разработке разных вопросов по языку, литературе и вообще по сравнительному языкознанию и славянским наречиям. Воронеж, 1889. Вып. III–IV. С. 27–77.
28. О. Н. Чествование пятидесятилетия служения академика и заслуженного профессора, почетного члена разных университетов и ученых обществ Федора Ивановича Буслаева // Филологические записки. Воронеж, 1888. Вып. VI. С. 1–18.
29. Постовалова В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М. : Наука, 1982. 222 с.
30. Пушкарева Н. История повседневности и история частной жизни: Содержание и соотношение понятий // Социальная история : Ежегодник, 2004. – М., 2005. С. 93–112.
31. Пыпин А. Новейшие исследования русской народности // Вестник Европы : журнал истории, политики, литературы. 1883. Кн. 10. Октябрь. С. 695–742.
32. Рамишвили Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000. С. 5–33.
33. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М. : ИВИ РАН, 1998. 278 с.
34. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. 2-е изд., испр. М. : София, Гелиос, 2001. 744 с.
35. Сахаров В. И. О бытовании шеллингианских идей в русской литературе // Контекст, 1977 : литературно-теоретические исследования. М. : Наука, 1978. С. 210–226.
36. Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М. : Изд-во «Индрик», 1997. 456 с. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования.)
37. Успенский Б. А. Избранные труды : в 3 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

38. Шеллинг Ф. В. Й. Введение в философию мифологии. Историко-критическое введение в философию мифологии. Книга первая // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т. : пер. с нем. Т. 2 / сост., ред. А. В. Гулыга; прим. М. И. Левиной, А. В. Михайлова. М. : Мысль, 1989. С. 159–374.

39. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т. Т. 2. Примечания. С. 573–595.

40. Шпет Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта*1). М. : Гос. акад. худож. наук, 1927. 219 с.

The reception of German philosophical classics in the works of F. I. Buslaev

M. V. Novikov¹, T. B. Perfilova²

¹ Doctor of historical sciences, professor, head of the Department of theory and methods of vocational education, Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K. D. Ushinsky. Yaroslavl, Russia.
ORCID: 0000-0002-2013-1919. E-mail: m.novikov@yspu.org

² Doctor of historical sciences, professor, leading researcher of the research laboratory, Yaroslavl State pedagogical University n.a. K. D. Ushinsky. Yaroslavl, Russia.
ORCID: 0000-0002-2498-8688. E-mail: olya.irhina@mail.ru

Abstract: The article offers new approaches to the study of the creative heritage of the great Russian scientist F. I. Buslaev. Emphasizes the illegality of narrowing the research interests of F. I. Buslaev solely to the borders of languages and the need to extend the range of his scientific interests at the expense of *chelovekovedeniya*, Ethnology, social aspects of cultural history. The work is done in the problem field of interdisciplinary research: at the intersection of theoretical and historical linguistics, philosophical anthropology, new cultural history. It is noted that F. I. Buslaev first in domestic science began to study the contents of the everyday consciousness of people of bygone eras, attitudes collective experiences, traditions and values, symbolic education of primitive and ancient societies, the first attempted creation of anthropologically-oriented "new" cultural history. To justify the basic principles of its research concepts and definitions methodological strategies in the first phase of creativity in the late 30's-early 60's of the XIX century F. I. Buslaev turned to German classical philosophy. He preferred W. von Humboldt, F. W. J. Schelling, and J. Grimm, the latter was the highest authority for the Russian scientist. In the second half of the nineteenth century German philosophical sources that shaped the scientific world by F. I. Buslaev, began to lose his relevance and importance. Approval of the methodology of positivism led to the reduction Humboldt and Schelling's metaphysical ideas, or the loss of the most speculative components of their concepts. The scientific Outlook by F. I. Buslaev was influenced by the philosophical heritage of the classics of German thought. The spread of positivism and strengthen its own position in the scientific community led to a revision of some theoretical approaches to the fore was the accuracy, provability, objectivity engendered a new style of thinking, a new research paradigm.

Keywords: Philology, language, transcendental idealism, cultural anthropology, positivism.

References

1. Buslaev F. I. *Dogadki i mechtaniya o pervobytnom chelovechestve* [Guesses and dreams of primitive humanity] // Buslaev F. I. *Sochineniya po arheologii i istorii iskusstva : v 3 t. T. 1* [Essays on the archaeology and history of art : 3 vol. Vol. 1]. SPb. Typ. of the Imperial Academy of Sciences. 1908. Pp. 459–522.
2. Buslaev F. I. *Zadachi ehsteticheskoy kritiki* [Problems of aesthetic criticism] // Buslaev F. I. *Moi dosugi: sobrannyye iz periodicheskikh izdaniy melkie sochineniya : v 2 ch. CH. 1* [My spare time: small works collected from the periodicals: in 2 parts. Part 1]. M. In the Synodal printing house. 1886. Pp. 291–407.
3. Buslaev F. I. *Mificheskie predaniya o cheloveke i prirode, sohranivshiesya v yazyke i poehzii* [Mythical legends of a man and nature, preserved in the language and poetry] // Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. T. 1. Russkaya narodnaya poehziya* [Historical sketches of Russian folk literature and art: in 2 vol. Vol. 1. Russian folk poetry]. SPb. In the typ. of partnership "Public benefit". 1861. Pp. 137–150.
4. Buslaev F. I. *Oblastnye vidoizmeneniya russkoj narodnosti* [Regional modification of the Russian nation] // Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. T. 1* [Historical sketches of Russian folk literature and art. Vol.1]. Pp. 151–209.
5. Buslaev F. I. *Pis'mo k avtoru «Istorii Rossii»* [Letter to the author of the "History of Russia"] // Buslaev F. I. *Dogadki i mechtaniya o pervobytnom chelovechestve* [Guesses and dreams of primitive humanity] / comp., prep. of text, article and comment by A. L. Toporkov. M. Rus. polit. encyclopedia. (ROSSPEN). 2006. Pp. 439–469.
6. Buslaev F. I. *Povest' o Gore i Zlochastii, kak Gore-Zlochastie dovelo molodca vo inocheskij chin* [Tale of Woe and Misfortune, as Wor-Misfortune brought fellow in the monastic form] // Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki...* [Historical essays...] V. 1. Pp. 548–643.
7. Buslaev F. I. *Russkaya poehziya XVII veka* [Russian poetry of XVII century] // Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki...* [Historical essays...] V. 1. Pp. 470–547.
8. Buslaev F. I. *Russkij byt i poslovice* [Russian way of life and Proverbs] // Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki...* [Historical essays]. Vol.1. Pp. 78–136.
9. Buslaev F. I. *Russkij narodnyj ehpos* [Russian popular epic] // Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki...* [Historical essays]. Vol.1. Pp. 401–454.

10. Buslaev F. I. *Sledy slavyanskikh ehpicheskikh predanij v nemeckoj mifologii* [Traces of the Slavic epic traditions in the German mythology] // Buslaev F. I. *Narodnaya poehziya. Istoricheskie ocherki* [Folk poetry. Historical essay]. SPb. Typ. of the Imperial Academy of Sciences. 1887. Pp. 216-244.
11. Buslaev F. I. *Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poehzii* [Comparative study of folk life and poetry] // *Russkij vestnik, izdavaemyj M. Katkovym* – Russian Bulletin, published by M. Katkov. M. 1872, No. 10, October, vol. 101, pp. 645-727.
12. Buslaev F. I. *Ehpicheskaya poehziya* [Epic poetry] // Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki...* [Historical essays] Vol. 1. Pp. 1-77.
13. Grimm YA. *Nemeckaya mifologiya / per. s nem. A. A. Gugnina* [German mythology] / transl. from German by A. A. Guginin // *Zarubezhnaya ehstetika i teoriya literatury. XIX–XX vv. : Traktaty, stat'i, ehse* – Foreign aesthetics and theory of literature. XIX–XX centuries: Treatises, articles, essay / comp., general editorship of G. K. Kosikov. M. Publ. of Mos. University. 1987. Pp. 54-71.
14. Gulyga A. V. *Filosofskoe nasledie SHellinga* [Philosophical legacy of Schelling] / *SHelling F. V. J. Sochineniya : v 2 t.* [Works: in 2 volumes: transl. from Germ. Vol. 1] / comp., ed., introd. article A.V. Gulyga. M. Mysl'. 1987. Pp. 3-38.
15. Gumbol'dt V. fon. *Lacij i EHllada (fragment)* [The Latium and Hellas (fragment)] transl. by Gulyga O. A. // *Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu : per. s nem.* [Selected works on linguistics: translated from German] / general editorship of G. V. Ramishvili; afterword A. V. Gulyga and V. A. Zvegintsev. M. JSC IG "Progress". 2000. Pp. 303-306.
16. Gumbol'dt V. fon. *O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyanii na duhovnoe razvitie chelovechestva* [The difference of the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind] / transl. A. A. Alexeyev, V. V. Bibihin, O. A. Gulyga, V. A. Zvegintsev, S. A. Starostin // *Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Pp. 37-298.
17. Gumbol'dt V. fon. *O sravnitel'nom izuchenii yazykov primenitel'no k razlichnym ehpoam ih razvitiya* [About the comparative study of languages in relation to different periods of their development] transl. Z. M. Murygina // *Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Pp. 307-323.
18. Gumbol'dt V. fon. *Ehsteticheskie opyty. Pervaya chast'. O «Germane i Dorotee» Gete* [Aesthetic experience. First part. About the "Hermann and Dorothea" of Goethe] / translated by A. V. Mikhailov // *Wilhelm von Humboldt. Yazyk i filozofiya kul'tury.* [The language and philosophy of culture] / comp., general ed. and introd. article A.V. Gulyga, G. V. Ramishvili. M. Progress. 1985. Pp. 160-278.
19. Gurevich A. YA. *Voprosy kul'tury v izuchenii istoricheskoy poehtiki* [Questions of culture in the study of historical poetics] // *Istoricheskaya poehtika. Itogi i perspektivy izucheniya* – Historical poetics. The results and prospects of the study. M. Nauka. 1986. Pp. 153-167.
20. Gurevich A. YA. *Istoricheskij sintez i shkola «Annalov»* [Historical synthesis and school "annals"]. M. Indrik. 1993. 328 p.
21. Gurevich A. YA. *Kategorii srednevekovoj kul'tury* [Categories of medieval culture]. 2nd ed., corr. and add. M. Iskustvo. 1984. 350 p.
22. Zlobina N. F. *Koncepciya istorizma v filologicheskom nasledii F. I. Buslaeva : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Concept of historicism in the philological heritage of F. I. Buslaev: abstr. dis. ... Dr philol. sciences]. M. 2010. 47 p.
23. Kamenskij Z. A. *Russkaya filozofiya nachala XIX veka i SHelling* [Russian philosophy of the early XIX century and Schelling]. M. Nauka. 1980. 326 p.
24. Cocchiara George. *Istoriya fol'kloristiki v Evrope* [The history of folklore in Europe] / transl. from it. A. Venediktov and M. Kirillova ; ed. and introd. V. E. Meletinsky. M. Ipubl. of Foreign lit. 1960. 690 p.
25. Kondakov I. V. *Vvedenie v istoriyu russkoj kul'tury : ucheb. posobie* [Introduction to the history of Russian culture: textbook]. M. Aspect Press. 1997. 687 p.
26. Lotman YU. M. *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury* [History and typology of Russian culture]. SPb. Art – SPb. 2002.
27. O. N. *Dopolnenie k chestvovaniyu 50-letnej uchenoj deyatelnosti akademika i zaslužennogo professora Fedora Ivanovicha Buslaeva* [Addition to honoring the 50-year academic activity of academician and honored professor Fedor Ivanovich Buslaev] // *Filologicheskie zapiski: zhurnal, posvyashchennyj issledovaniyam i razrabotke raznyh voprosov po yazyku, literature i voobshche po sravnitel'nomu yazykoznaniyu i slavyanskim narechiyam* – Philological notes: journal devoted to research and development of various questions on language, literature and in general on comparative linguistics and Slavic adverbs. Voronezh. 1889. Vol. III–IV. Pp. 27–77.
28. O. N. *CHestvovanie pyatidesyatiletija sluzheniya akademika i zaslužennogo professora, pochetnogo chlena raznyh universitetov i uchenyh obshchestv Fedora Ivanovicha Buslaeva* [Honoring the fiftieth anniversary of the service of academician and honored professor, honorary member of various universities and academic societies Fyodor Ivanovich Buslaev] // *Filologicheskie zapiski* – Philological notes. Voronezh. 1888. Vol. VI. Pp. 1–18.
29. Postovalova V. I. *Yazyk kak deyatelnost'. Opyt interpretacii koncepcii V. Gumbol'dta* [Language-like activity. Experience in interpreting concepts by V. Humboldt]. M. Nauka. 1982. 222 p.
30. Pushkareva N. *Istoriya povsednevnosti i istoriya chastnoj zhizni: Soderzhanie i sootnoshenie ponyatij* [The history of everyday life and the history of private life: Content and the relationship of concepts] // *Social'naya istoriya : Ezhegodnik* – Social history. Yearbook. 2004. – M. 2005. Pp. 93–112.
31. Pypin A. *Novejshie issledovaniya russkoj narodnosti* [The latest research of the Russian people] // *Vestnik Evropy : zhurnal istorii, politiki, literatury* – Herald of Europe: journal of history, politics, literature. 1883. Book 10. October. Pp. 695–742.
32. Ramishvili G. V. *Vil'gel'm fon Gumbol'dt – osnovopolozhnik teoreticheskogo yazykoznaniya* [Wilhelm von Humboldt – the founder of theoretical linguistics] // *Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* – Humboldt W. von. [Selected works on linguistics]. M. 2000. Pp. 5–33.

33. Repina L. P. «Novaya istoricheskaya nauka» i social'naya istoriya ["New historical science" and social history]. M. IVI RAS. 1998. 278 p.
34. Rybakov B. A. *Yazychestvo Drevnej Rusi* [Paganism of Ancient Russia]. 2nd ed, corr. M. Sofia, Helios. 2001. 744 p.
35. Saharov V. I. *O bytovanii shellingianskih idej v russkoj literature* [On the existence of Selenginsky ideas in Russian literature] // *Kontekst, 1977 : literaturno-teoreticheskie issledovaniya* – Context. 1977: a literary-theoretical study. M. Nauka. 1978. Pp. 210–226.
36. Toporkov A. L. *Teoriya mifa v russkoj filologicheskoy nauke XIX veka* [Theory of myth in Russian philology of the nineteenth century]. M. Publ. "Indrik". 1997. 456 p. (Traditional spiritual culture of Slavs / Modern research.)
37. Uspenskij B. A. *Izbrannye trudy : v 3 t. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected works: in 3 vol. Vol. 1. Semiotics of history. Semiotics of culture. 2nd ed, corr. and add.] M. School "Languages of Russian culture". 1996.
38. SHelling F. V. J. *Vvedenie v filosofiyu mifologii. Istoriko-kriticheskoe vvedenie v filosofiyu mifologii. Kniga pervaya* [Introduction to the philosophy of mythology. Historical-critical introduction to the philosophy of mythology. First book] // *SHelling F. V. J. Sochineniya: v 2 t.: per. s nem. T. 2* Works: in 2 volumes : transl. from Germ. Vol. 2 / comp., ed. A.V. Gulyga; notes M. I. Levina, A. V. Mikhailov. M. Mysl'. 1989. Pp. 159–374.
39. SHelling F. V. J. *Sochineniya : v 2 t. T. 2. Primechaniya* [Compositions: in 2 vol. Vol. 2. Notes]. Pp. 573–595.
40. SHpet G *Vnutrennyaya forma slova (EHtyudy i variacii na temy Gumbol'ta*1)* [Internal form of words (Etudes and variations on the theme of Humboldt*1)]. M. State Acad. of Art Sciences. 1927. 219 p.